

8. Поболь, Л.Д. Древнее рало из торфяника у дер. Каплановичи // Acta Baltico-Slavica. – Bialystok, 1967.
9. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. – Мінск, 1994.
10. Бушчык, Г.П. Станаўленне раннефеадальнай эканомікі на тэрыторыі Беларусі ў IX–першай палове XIII ст. // Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік: 3-е выд. /В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашэвіч і інш.; Пад рэд праф. В.І. Галубовіча. – Мінск, 1999.

Казаческо-крестьянские восстания на территории Украины и Беларуси во второй половине XVI – первой трети XVII в.

В. Н. Кадира

Окончательное юридическое оформление в 70 – 80 гг. XVI в. крепостного права и захват польской шляхтой украинских и белорусских территорий, вмешательство феодалов в городскую жизнь, столкновение интересов шляхты и казачьего слоя, репрессивные мероприятия против казачества и крестьянства привели к активному протесту против существующих порядков. В середине 90-х годов XVI в. на территории Украины и Беларуси развернулось широкое движение крестьянства, казачества и мещанства. Это движение явилось исходным пунктом национально-освободительной, антифеодальной, по своему содержанию борьбы украинского и белорусского народов. Стремление народных масс, и, прежде всего крестьянства, которое было не только производительной основной силой перелома феодализма, создателем материальных и духовных ценностей, но и решающей силой освободительной борьбы, положить предел безудержному росту феодальной эксплуатации и национального порабощения, окончательной инкорпорацией украинских и части белорусских земель в состав Польского государства после Люблинской унии 1569 года.

Казачество, которое занимало в обществе промежуточное положение между шляхтой и крестьянством, первым отреагировало на изменение общественно-политической и экономической ситуации. В конце декабря 1591 года запорожские казаки вместе с частью реестровцев неожиданно напали на белоцерковскую крепость, которая была резиденцией белоцерковского старосты, магната князя Януша Острожского. Во главе повстанцев стоял Криштоф Косинский, незадолго до этого выбранный казаками гетманом. При поддержке местного населения казаки во главе с Криштофом Косинским быстро овладели Белой Церковью и захватили там артиллерию, военные запасы и остальное имущество. Повстанцы сожгли архив старосты, в котором хранились официальные документы (в том числе универсалы на владение землями в Белоцерковском старостве) [4, с. 31–31].

Через некоторое время восстание охватило значительную территорию. Повстанцы во главе с Криштофом Косинским после Белой Церкви захватили Триполье, а потом Переяслав. Через некоторое время восстание охватило Волыньское, Брацлавское, и частично Подольское воеводства. Шляхта Луцкого повета, обращаясь 11 января 1593 года за помощью к панам соседних поветов, сообщала, что низовые казаки, «вторгнувшись у панства коронні, у воеводства Київське і волынське... займі і міста так його королівські милости, як і шляхетські посядають» [5, с. 36–37].

Налупанное успехами повстанцев польское правительство кинуло против них значительные силы. Потерпев поражение от правительственных войск под Пяткой (Волынь), казаки не сложили оружие. В мае 1593 г. они начали новое наступление. Но, оставшись без своего лидера – Криштофа Косинского, которого предательски убили во время осады Черкасс, казаки потерпели поражение.

Чем же можно объяснить такой размах восстания? Прежде всего, тем, что повстанцы, прогоняя панов и провозглашая себя казаками, собирались на раду, выбирали атаманов и судей, распределяли повинности и т.д. Массовое оказывание городского и сельского населения в период феодализма имело глубокий социальный смысл: оно было проявлением закрепощенных слоев народа стать свободными людьми. Можно также предположить о наличии какого-нибудь религиозного элемента в первом казацком восстании под руководством Криштофа Косинского (1591–1593). Но у нас нет достоверной информации. Поэтому ни национально-культурный, ни религиозный элементы не были и вероят-

но не могли быть важными факторами в этом восстании, потому, что религиозная ориентация казачества была неопределенной и туманной. Характерной чертой восстания под предводительством Криштофа Косинского можно считать то, что королевский двор старался не вмешиваться в конфликт казачества с князьями-магнатами, а князья также особо не надеялись на центральную власть. После битвы под Пяткой Криштофу Косинскому, например, дали подписать письмо, в котором он от имени казаков каялся не перед королем, а перед Константином Острожским, а Александр Вишневецкий после битвы под Черкассами согласился на относительно либеральный договор с казаками. Хотя решения сейма 1593 года гласили о фактическом истреблении восставшего казачества. [13, с. 54].

В обстановке всеобщего подъема антикрепостнической борьбы в 1594 г. вспыхнуло большое восстание под предводительством Северина Наливайко, которое началось в Украине, а затем охватило значительную часть Беларуси.

Движения 1591–1596 гг. впервые были серьезно исследованы Антоновичем В.Б. по им же изданным «Актам о казаках». Ученый был убежден, «что главная причина казаческих восстаний состояла в нарушении польским правительством и шляхтой общинного их устройства с целью ввести польский порядок, основанный на шляхетстве» [1, с.36]. Сведения о восстании Наливайко есть в Баркулабовской летописи [6, с.6], в хронике Иоахима Бельского [7, с.423]. Упоминается о нём в королевских грамотах, реестрах шляхетских и поветовых ополчений и пр.

Кем же он был? По-видимому, он принадлежал к мелкой украинской шляхте, но, может быть, происходил из мещан. Некоторое время Северин находился в составе реестрового казачества и принимал участие в походах против турок и татар [15, с. 124]. Затем он поступил на службу к князю Острожскому, а его отец держал участок земли во владениях польского магната Калиновского в селе Густыне. Пан Калиновский за что-то прогнал отца Северина Наливайко с земли, разорил его хозяйство, а самого старика избил до смерти.

Это было обычным проявлением панского произвола на Украине и в Беларуси. Возненавидев польских панов, охваченный жаждой мести, Наливайко ушёл к казакам и после смерти Криштофа Косинского возглавил казачье восстание. И. Бельский, писал о Северине Наливайко: «Був він людиною гарної вдачі і рідких здібностей... до того ж знаменитий гармаш» [7, с. 176].

Это было, по сути, первое массовое вооружённое выступление на Беларуси, которое подняло на ноги огромные массы крестьянства и городских низов. Вот как описано выступление Наливайко в хронике Иоахима Бельского: «Наливайко, вярнувшись з Семігародшчыны чыніў шкоды ў землях рускіх: у Луцку, дзе ў той час быў кірмаш, і судзілі на рочках, трэба было даць яму выкуп...» [7, с. 249]. Действительно, осенью 1595 года, вернувшись из похода в Трансильванию, Северин Наливайко на главе постоянного, готового к активным боевым действиям отряда нереестровых казаков захватывает Луцк, а затем громит в Подолье поместье коренного гетмана Яна Замойского и Калиновского. В конце октября – начале ноября 1595 года, объединив в своём отряде нереестровых казаков, беглых крестьян, мещан и мелкую шляхту, Наливайко двигается на Беларусь.

Его успех был обусловлен активной поддержкой крестьянства, которое являлось также движущей силой социальной борьбы народных масс, его выступлениями и пополнением рядов отряда Наливайко новыми силами. Известно, что в повстанческих рядах при взятии ими Острополя находилось до 1000 человек, а в Беларуси при взятии 30 ноября 1595 года Могилёва насчитывалось уже 2000 человек [14, с.56]. При той напряжённой атмосфере, какая уже была на лицо в Беларуси, в связи с обострением социальной борьбы и развитием массового крестьянского движения, появление отряда Наливайко не могло не встретить активной поддержки со стороны белорусского крестьянства. Взятие им без особого труда ряда городов также говорит о сочувствии населения. Отряд Наливайко главные свои удары направлял против купцов и верхов духовенства и в союзе с крестьянством сжигал панско-шляхетские усадьбы, убивал их владельцев, накладывал на купцов и богатых мещан большие выкупы, увозил имущество церквей и костёлов. Действительно, захватив в свои руки архивы местных церквей, они сожгли хранившиеся в них грамоты и привилеи. Эти факты свидетельствуют о том, что Наливайко действовал, прежде всего, в интересах крепостного крестьянства, так как церкви не только

сами выступали как крупные феодальные собственники, но в своих архивах зачастую хранили земельные документы местных феодалов.

6 ноября 1595 года повстанцы заняли один из первых белорусских городов—Слуцк, в котором они захватили 12 пушек, 80 гаковниц (старинное ружьё), 70 самопалов и казну, в которой насчитывалось 5 тысяч литовских коп (1 копа равнялась 60 грошам). В плену у казаков в числе прочих оказались сыновья виленского каштеляна Иеронима Хоткевича [2, с.53]. Несколько дней спустя пал Бобруйск, а в конце ноября казаки подошли к Могилёву. Дату взятия Наливайко Могилёва источники подают по-разному: 30 ноября или 13 и 20 декабря [11, с.167]. Но принять к сведению письмо моголевчан к Радзивилу, в котором обсуждался вопрос о совместных действиях против повстанцев, то нужно учесть, что это было где-то 6 декабря [12, с.24]. Шляхта была сильно напугана движением повстанцев и оказывала всяческую помощь гетьманским войскам. Указание автора Баркулабовской летописи на то, что будто бы отряд Наливайко без разбору громил и убивал на своём пути всё и всех, явно является искажением того, что происходило в действительности. Как рассказывает летописец, казаки: «место славное Могилёв, место побожное, дома, крамы, острог выжгли, домов всех яко 500, а крамов з воликами скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жён, детей малых побили, порубали [6, с.306]. Следовательно, повстанцы расправлялись не со всеми мещанами; а лишь с людьми «учтивыми» (т.е. почтенными), которые имели «серебра, злата множество» [6, с. 306], т.е. с городскими богачами. Успехи восставших, захвативших в Слуцке и Могилёве крепостную артиллерию и значительное количество оружия, чрезвычайно встревожили литовских феодалов, до сих пор не видевших в действиях отряда серьёзной угрозы своему господству. Теперь отряд Наливайко становился грозной военной силой, с которой литовским феодалам уже трудно было справиться в одиночку. В конце ноября 1595 года шляхтичи съехались к гетьману в Клецк для обсуждения вопроса борьбы с повстанцами.

Тем временем Радзивил собрал войско для подавления восстания: «люду рыцарского збройного, татар 4000, литвы 14000» [14, с.25], и направил его к Могилёву. Других данных, с которыми можно было бы сопоставить эти, по-видимому, несколько преувеличенные цифры, нет. Есть лишь разрозненные сведения о численности отдельных повстанческих отрядов, направленных магнатами в распоряжение Николая Буйвида.

Во время пребывания в Могилёве отряд Наливайко ещё больше увеличился за счёт крестьян и городской бедноты. Повстанцы были неплохо вооружены, но всё же несомненно, что войско Радзивила имело количественный и качественный (в военном отношении) перевес. Наливайко вынужден был оставить город, в частности благодаря начавшемуся пожару от поджога города литовскими войсками. При выходе его отряда около города произошла битва, тянувшаяся целый день. На Буйницком поле войско гетьмана окружало казаков, но благодаря стойкости и упорству, а также наличию неплохого вооружения, отряд Наливайко сохранил себя и двинулся от Могилёва к юго-западу. Он проходил через Быхов, Рогачёв и Речицу. Из Речицы отряд направился к Пинску и взял его. Народное движение, связанное с восстанием Северина Наливайко, охватило всю южную и юго-восточную часть Беларуси. В июне 1596 г. повстанцы потерпели поражение под Лубнами. Их предатель старшина. Казацкие предводители были привезены в Варшаву и там, после жестоких мучений 11 апреля 1597 года казнены....

Продолжалось обострение социальной борьбы в городах, которое было вызвано чрезмерным увеличением налогов и настойчивым внедрением в жизнь принципа «чья власть, того и вера». Что касается горожан, то в данный период украинское и белорусское мещанство распалось на разные, часто полярно противоположные социальные слои, что и проявилось в ходе борьбы. В то время как городской плебс выступал вместе с крестьянством и рядовым казачеством за уничтожение крепостнических порядков и национального — религиозного гнета, среднее мещанство — бюргерство — боролось лишь против национального гнета и тех препятствий, которые мешали их промышленно-торговой деятельности и не позволяли занимать должности в органах городского самоуправления. Привилегированная верхушка мещанства — патрициат, враждебно относилась к освободительной войне.

Эта борьба приобретала различные формы. Часто она была пассивной и проявлялась в подаче жалоб и протестов. Так, например жители Львова жаловались на своевольные действия городской верхушки и администрации города, которые необоснованно завысили подати [3; с. 29].

Со временем борьба приобретала более активный характер. В Львове во второй половине XVI — первой половине XVII в. приобрела острую форму борьба нецеховых ремесленников с цеховыми, борьба низших слоев населения против своеволия городской администрации, которая всячески отстаивала интересы магнатов, шляхты, городской купеческой верхушки.

Одним из проявлений борьбы был отказ от выполнения повинностей, выход из под власти городской администрации. В письме Криштофору Радзивилу канцлер Лев Сапега 20 июля 1599 г. сообщал, что мещане Полоцка, «собравшись толпами... нападали и громили дома шляхетские, что уже три или четыре раза совершалось» [10, с. 170]. В большинстве имеющихся источников о борьбе крестьян и низов городского населения против феодально-крепостнического гнета иногда упоминается косвенно, что не позволяет выяснить даже общие черты тех событий.

Рассматривая вопрос о влиянии крестьянского движения и казачества Украины на восстания в Беларуси, мы должны учитывать особенности крестьянской войны в Украине и неоднородный состав украинского казачества. Влияние это было чрезвычайно сильным по ряду причин: во-первых, потому, что цели и задачи борьбы в Украине совпадали с борьбой на Беларуси. И здесь и там борьба носила антикрепостнический характер, во-вторых, территориальное соседство имело свое большое значение, и волны поднятого в Украине восстания все равно достигали территории Беларуси. В-третьих — среди украинского казачества, в частности среди низов, было немало беглого белорусского крестьянства, и естественно все эти беглые с началом крестьянских восстаний стремились вернуться на свои земли, но вернуться уже свободными крестьянами. Необходимо отметить, что среди этих беглых было невероятно много стойких и упорных элементов, которые, вернувшись в свои места, наиболее активно боролись против всех эксплуататоров.

Таким образом, по своим масштабам казацкие движения 1591-1596 гг. относятся к самым крупным социальным конфликтам в истории Европы XVI в., поэтому они имеют все основания называться казацкими войнами. Именно эти движения положили начало нового этапа эволюции казачества — массовому переходу в казацкие ряды крестьянского и мещанского элементов общества. Вследствие этого несколько позже казачество выросло в количестве и в значительной степени изменило свой социальный облик.

Литература

1. Антонович В. Б. Содержание актов о казаках // Архив Юго-Западной России. — Киев. 1863. ч.3. т.1
2. Артишевский О. П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Беларуси (вторая пол. XVI — 60-е годы XVII в.). — Киев. 1987.
3. Архив Юго-Западной Руси. Киев. 1904. ч.1. т.2. с. 29
4. Архивы ЮЗР ч.3, т.1 Док №12 с.31-321
5. Архив ЮЗР ч. 3, т.1., Док №14. с. 36-37
6. Баркулабовская летопись. — Могилев. 1900. Вып. 1
7. Bielskiego J. Dalszy ciąg Kroniki Polskiej. — Warszawa. 1851.
8. Голобуцкий В. Запорожье козацтво. — Київ. 1994. 539с.
9. Жерела до історії України — Руси. — Львів. 1908. т.8
10. Копынский З. Ю. Социально — политическое развитие городов Беларуси в XVI — первой половине XVII в. Мн. 1975.192с.
11. Леп'явко С. Козацькі війни кінця XVI століття в Україні. Ч. 1996.
12. Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. — М. 1940.
13. Плохий С. Наливайкова віра. К., 2005.